

Уоллес Стивенс в художественном восприятии Иосифа Бродского

К. С. СОКОЛОВ

(ВЛАДИМИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ)*

В статье рассматриваются формы присутствия элементов творческого наследия американского поэта Уоллеса Стивенса (1879–1955) в поэзии Иосифа Бродского.

Ключевые слова: Бродский, Стивенс, реминисценция, элегическая поэтика, стихотворное послание.

Wallace Stevens in Creative Reception of Joseph Brodsky

K. S. SOKOLOV

(VLADIMIR STATE UNIVERSITY FOR THE HUMANITIES)

The article considers the occurrence of elements of artistic legacy of American poet Wallace Stevens (1879–1955) in Joseph Brodsky's poetry.

Keywords: Brodsky, Stevens, reminiscence, elegy poetics, verse epistle.

Уоллес Стивенс занимает не самое видное место в поэтическом пантеоне Бродского, по крайней мере, он не писал ему элегий, не посвящал эссе разбору его стихотворений и не предлагал «воздвигнуть церковь на этом поэте» (Бродский, 1999: 257), но в то же время в личных беседах и интервью имя Стивенса неизменно называлось в числе наиболее значительных поэтов XX в. Значимость Стивенса в «американской парадигме» Бродского не связана с формированием его поэтической карьеры и репутации, не становится фактором, определяющим его самоидентификацию. Поэзия Стивенса проявляется как добавочный смысловой пласт, элемент образной системы целого ряда его стихотворений. Мысль, высказанная Бродским в интервью Божене Шелкросс, достаточно точно характеризует этот тип творческих связей: «...такой человек, как я, меньше думает о ценности того или иного поэта и больше о том, как можно использовать ту или иную идиому» (Бродский, 2000: 601).

Стивенсовская «идиоматика» Бродского на первый взгляд оказывается включенной

в иронический контекст игры с цитатами: «Мне нравится Стивенс <...> как такой американский эстет. Он мне безумно нравился, когда я был моложе, я даже запускал руку в его карман, таскал у него названия: «Ei nem alten arkitekten in Rome», например» (Бродский, 2000: 539). Характеристика Бродского показательно совпадает с инокультурным восприятием поэзии Стивенса, как оно представлено Хэролдом Блумом: «Мы столкнулись с некоторыми сложностями, экспортируя его британцам, которые — за редким исключением — продолжают считать его таким роскошным офранцузившимся щеголем, недо-платоником из верхнего среднего класса, в лучшем случае представителем американского эстетства» (Bloom, 1976: 103).

Отмеченное совпадение — «американский эстет» — объясняет отчасти игровой характер «кражи» чуждых для европейского художественного сознания стивенсовских названий молодым русским поэтом. Непоэтическим примером такого чисто игрового заимствования может служить встречающаяся в письмах Бродского подпись:

* Соколов Кирилл Сергеевич — кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы Владимирского государственного гуманитарного университета, докторант Института мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук. Тел.: +7 (4922) 32-35-35. Эл. адрес: kirill.sokolov@fulbrightmail.org

«Твой Джозеф (или «Жозеф». — К. С.) — *connaisseur of chaos*». «Знаток» или «Ценитель хаоса» — название одного из известнейших стихотворений Стивенса из сборника «Parts of a World». В 1991 г. Дэвид Бетэа, заканчивая беседу с Бродским, попросил его назвать «первые пришедшие в голову» стихотворения целого ряда поэтов. Перечисляя стихотворения Стивенса: «Воскресное утро» (Sunday Morning), «Клави́р» (Peter Quence at the Clavier), «Идея порядка на Ки-Уэст» (The Idea of Order at Key West), «Монокль моего дяди» (Le Monocle de Mon Oncle), «Открытка с вулкана» (A Postcard from the Volcano), Бродский добавляет: «Прекрасные названия, их легко запомнить» (Бродский, 2000: 552). Из перечисленных «прекрасных названий» в поэзии самого Бродского встречаются только два: «Peter Quence at the Clavier» трансформировалось в «Томас Транстремер за роялем», а «A Postcard from the Volcano» — в «Открытку из города К.» и, возможно, еще в две «Открытки» — «с тостом» и «из Лиссабона». Название стихотворения «Not Ideas About the Thing But the Thing Itself» становится у Бродского устойчивой поэтической формулой и встречается в стихотворениях «Подсвечник» (1968), «Бабочка» (1972) и «Новая жизнь» (1988).

Первый же случай трансформации стивенсовского названия появляется в стихотворении 1964 г. «Einem alten arckitekten in Rome». Немецкое название стихотворения Бродского представляет собой парафраз названия «To an Old Philosopher in Rome» — элегии, адресованной Стивенсом умирающему в Риме Джорджу Сантаяне (1866–1952), у которого он учился в Гарварде.

Стихотворение Стивенса представляет собой исследование пограничной области между жизнью и смертью: Римом, где умирает философ, и Римом — Вечным городом (The threshold, Rome, and that more merciful Rome / Beyond), которые в угасающем сознании адресата стихотворения совмещаются подобно двум параллельным линиям (Two parallels become one). Мир реальный, как

предмет последней медитации, приобретает черты вечности, и философ находит «источники счастья в форме Рима»:

The bed, the books, the chair, the movin nuns,
The candle as it evades the sight, these are
The sources of happiness in the shape
of Rome <...>¹
(Stevens, 1990: 508)

Вероятно, стихотворение Стивенса заинтересовало Бродского в начале 60-х именно как элегия — жанр, содержащий концентрированное описание искомой поэтической традиции и в то же время позволяющий молодому поэту заявить о себе как о ее наследнике. Обе эти особенности в равной степени проявляются в ключевых текстах Бродского первой половины 60-х годов — «Большой элегии Джону Донну» и «Стихах на смерть Т. С. Элиота». Однако «Einem alten Architekten in Rom» не вписывается в этот ряд, так как представляет собой не декларативный знак наследования, но, скорее, случай трансформации или перекодировки смыслов претекста. Стихотворение Бродского, хотя и адресовано в Рим, посвящено Кенигсбергу-Калининграду: «<...> в коляску, под зонтом, без верха, / мы молча взгромоздимся и вперед / покатым по кварталам Кенигсберга» (Бродский, 1992: 375), чем, вероятно, объясняется немецкое его название. Подмена адресата — архитектор вместо философа — служит, как полагал Лев Лосев, указанием на не вечность (в отличие от Рима) разрушенного бомбардировками города. Иную точку зрения высказывает Томас Венцлова в статье «Кенигсбергский текст» русской литературы и кенигсбергские стихи Иосифа Бродского». По мнению исследователя, название стихотворения является результатом серии метонимических сдвигов, где «немецкий язык <...> есть метонимия английского (и русского); Рим — метонимия Кенигсберга; точно так же «старый архитектор», скорее всего, есть метонимия «старого философа», в данном случае Канта» (Венцлова, 2002: 60). Венцлова отмечает, что Брод-

ский «несомненно, учился у Стивенса... искусству медитации, в которой стих, оснащенный запутанными синтаксическими построениями и переносами, превращается почти в философскую прозу» (Венцлова, 2002: 59). Примечательно, что в это же время поэт экспериментирует с поэтическим синтаксисом и геометрическими метафорами в духе Донна, создавая свой так называемый метафизический стиль. Этими поисками, вероятно, объясняется внимание Бродского к образу пересекающихся прямых, возникающему во второй строфе стихотворения Стивенса («Two parallels become one») как метафоре единения мира земного и мира идеального².

Рассматривая отношения текста и претекста, Венцлова приходит к выводу, что «поиск прямых цитат почти не дает результатов: они обнаруживаются разве что на уровне отдельных слов и образов. <...> В целом Бродский вполне самостоятелен. Совпадает лишь общая тема: парадоксальное соотнесение материи и духа на пороге смерти, неразрешимая противоположность трансцендентного — имманентного» (там же: 60). Однако, как это часто бывает у Бродского, тематическая соотнесенность двух стихотворений свидетельствует о возникновении нового расширяющегося контекста — некоей тематической парадигмы, охватывающей новые тексты и смыслы.

Вряд ли можно считать совпадением то, что другой «кенигсбергский текст» Бродского — «Открытка из города К.» (1968) также может быть соотнесен с претекстом из Стивенса: стихотворение прочитывается как вариация на тему «A Postcard from the Volcano».

Тема состояния мира после катастрофы проявляется в названиях стихотворений. Безымянный вулкан и редуцированное до одной буквы название города указывают на постисторичность обоих посланий. Ветер, ворошащий «листву запрошлогоднюю» среди развалин дворца курфюрста, в «Открытке из города К.», дети, «собирающие наши кости» («Children picking our bones») подле

особняка с закрытыми ставнями («the shuttered mansion-house»), из «Открытки с вулкана», равно как и «юный археолог», который «черепки ссыпает в капюшон пятнистой куртки», из «Einem alten arckitekten in Rome», одинаково не способны проникнуть в смысл произошедшего, установить связь между настоящим и прошлым. Одна из постоянных тем Бродского представлена в финале «Открытки из города К.», где «речь идет о словах, о человеческой коммуникации, о той же памяти, которая обесмыслена в мире развалин, приравнена к мертвой листве» (там же: 58). Также в «A Postcard from the Volcano» Стивенса:

...Children
Still weaving budded aureoles,
Will speak our speech and never know,

Will say of the mansion that it seems
As if he that lived there left behind
A spirit storming in blank walls,

A dirty house in a gutted world,
A tatter of shadows peaked to white,
Smear'd with the gold of the opulent sun.
(Stevens, 1990: 159)

Однако оба стихотворения объединяет не только (и не столько) переживаемая трагедия, но и способ самого этого переживания, ставший в XX в. характерным жанровым признаком элегического мышления. К чувству утраты и попытке (само)утешения примешивается скептическая ирония, «дегуманизирующая» традиционный элегический код (Ramazani, 1994: 1–31). И Бродский, и Стивенс выносят слово «открытка» в названия стихотворений, тем самым актуализируя семантику послания — горько-ироничного послания без адреса, парадоксально написанного в ситуации, обесмысливающей саму идею коммуникации³.

По-видимому, кроме возможности игры с «прекрасными названиями», Бродского привлекает в поэзии Стивенса то, что, по словам исследователя современной элегии, «Стивенс, при всех его отличиях от Харди,

Йейтса, Оуэна и Одена, также подготавливает элегию к скептицизму нового века, соединяя ее пафос с усиливающейся иронией и сатирой» (Ramazani, 1994: 89). Элегические стихотворения Бродского являются результатом такого соединения, сочетая в себе надежду и скепсис, силу непосредственного переживания и отрезвляющую «имперсональную» отстраненность. Поэзия Стивенса становится одним из факторов, определяющих вектор стилистических изменений поэзии раннего Бродского. Позднее стивенсовская «идиоматика» будет реминисцентно включаться в изначально нестивенсовские поэтические контексты и выступать смысловым аккомпанементом основной темы стихотворения. Примеры такого присутствия в чужом контексте находим в двух «оденовских» стихотворениях Бродского — «Сидя в тени» (1983) и «Иския в октябре» (1993).

Претекстом стихотворения «Сидя в тени» стало «1 сентября 1939 года» У. Х. Одена. Стремление продолжить или «дописать» чужой (а зачастую и свой собственный) текст лежит в основе многих стихотворений Бродского. В одном из эссе об Одене он чрезвычайно точно и лаконично сформулировал едва ли не ключевой принцип собственных взаимоотношений с предшественниками: «...самое большое, что можно сделать для того, кто лучше нас: продолжать в его духе; и в этом, я думаю, суть всех цивилизаций» (Бродский, 1999: 256). «Цивилизаторская функция» стихотворения «Сидя в тени» состоит в том, чтобы по-оденовски поставить диагноз современному человеку, используя наиболее приспособленную для этого поэтическую форму.

В принадлежащем Е. Рейну экземпляре сборника «Урания» Бродский сделал следующую приписку к этому стихотворению: «Размер оденовского «1 сентября 1939 года». Написано — дописано на острове Иския в Тирренском море...» (Рейн, 1998: 195). На этом острове с 1948 по 1957 г. У. Х. Оден проводил лето, часть весны и осени, чего Бродский не мог не знать при написании парафраза этого известного стихотворения.

«Оденовский размер» используется Бродским как добавочный автокоммуникативный код, перестраивающий и сообщение, и личность автора, поместившего себя в оденовский локус. Бродский пишет стихотворение так, как если бы его продолжал писать Оден 44 года спустя:

Брюзжа, я брюзжу, как тот,
кому заставить повезло
уходящий во тьму
мир, где, делая зло,
мы знали еще — кому.

(Бродский, 1994: 73)

Тема «Сидя в тени» — превращение человечества в безликую и бессловесную массу как следствие бескровной культурной катастрофы — расширяет контекстуальное поле стихотворения, вводя в него характерные стивенсовские элементы, восходящие к «A Postcard from the Volcano»: тип речи — первое лицо множественного числа, образ детей и связанные с ним темы деградации, энтропии, провала коммуникации позволяют говорить о «Сидя в тени» и как о развитии «Открытки с вулкана».

В «Иския в октябре» (1993) переплетаются мотивы уже двух «открыток» — «...с вулкана» и «...из города К.». В обветшалых, полустершихся признаках цивилизации лишь призрачно проступает память о ней. «Мы» повествователя уподобляется ветру, ворошащему листву в финале «Открытки из города К.» и хлопающему ставнями особняка из «A Postcard from the Volcano».

Еще одним важным источником стивенсовской «идиоматики» в целом ряде текстов Бродского становится стихотворение «The Common Life», которое, по мысли Л. Мартца, наиболее полно отражает одну из существеннейших особенностей мировосприятия У. Стивенса: «Мир греческих мифов и традиционной красоты, мир иудейского бога, мир северных легенд — миры, <представляющие> творческую веру и единство между человеком и вселенной, — все они утрачены. Манна больше не падает. Поэт живет в мире, где природное, сверхъестественное

и мифологическое начала истожились и, следовательно, подавляются глубинные интуиции человечества <...> постоянное обращение к энергии радио разрушает воображение, ограничивает чувства, заталкивает человечество в «Обычную жизнь» (Martz, 1966: 183, 188).

Стихотворение Стивенса послужило источником множества характерных для Бродского поэтических микротем. Например, Эвклид как символ рационального детерминизма мира встречается в его поэзии шесть раз. Но наиболее богата реминисценциями из «The Common Life» «Эклога 4-я (зимняя)» (1980). Здесь стивенсовская «идиоматика» опять оказывается помещена в «чужой» контекст: «Эклога» посвящена Дереку Уолкотту в ответ на его стихотворение «Forest of Europe» (из сборника «The Star-Apple Kingdom», 1979), в свою очередь, посвященное Бродскому, однако зимние сумерки, «роза и незабудка», которые «в разговорах всплывают все реже» (у Стивенса — «a woman / Without rose and without violet»); «мир, где рассеянный свет — генератор будней» (где «будни» — эквивалент «the common life»), и лампа, загорающаяся «взамен светила» (у Стивенса — «a morbid light / In which they stand / Like an electric lamp / On a page of Euclid»), образуют смысловое поле, общее со стихотворением Стивенса. Заключительная метаописательная строфа «Эклоги» соотносится с центральным образом заключительной строфы «The Common Life»: «The paper is whiter / For these black lines» (Stevens, 1990: 221) и указывает на этот свой источник:

Так родится эклога. Взамен светила загорается лампа: кириллица, грешным делом, разбредаясь по прописи вкривь ли, вкось ли, знает больше, чем та сивилла, о грядущем. О том, как чернеть на белом, покуда белое есть, и после⁴.

(Бродский, 1994: 18)

Учитывая известную условность жанровых заглавий у Бродского, можно предположить, что «Эклога 4-я (зимняя)» представляет собой вариант классической пасторальной элегии с ее двухчастной структурой ламентации/утешения, соответствующей

природному циклу умирания/возрождения. Как отмечает автор одного из авторитетнейших исследований элегической традиции Э. Зетцел-Ламберт, «основная цель пасторальной элегии — утверждение неразрывности: жизнь, хотя и в новой форме, продолжается» (Lambert, 1976: xxv). В контексте «Эклоги» Бродского холодный скепсис «The Common Life» трансформирует тональность традиционного пасторально-элегического утешения. Не менее традиционная для элегической поэтики тема сохраняющей памяти и воплощения поэта в слово также по-стивенсовски, в духе антиэлегий XX в., уступает место лишенному жанровых иллюзий знанию будущего, знанию «о том, как чернеть на белом, / покуда белое есть, и после».

Таким образом, формы присутствия творческого наследия Стивенса у Бродского весьма разнообразны: от чисто игровых подписей до концептуальных поэтических образов и тем. Известен также подстрочник к стихотворению Стивенса «On An Old Horn», хранящийся в архиве Бродского в Российской национальной библиотеке. Широта этого диапазона может быть объяснена принципиальной непереводаемостью (неэкспортируемостью, как сказал бы Х. Блум) стивенсовской комбинации абсурдно-комического и сдержанно-трагического на родную для русского поэта почву, отсутствием в русской поэтической традиции (по крайней мере, для традиционалиста Бродского) не только эквивалентов, но и предпосылок для развития соответствующего художественного языка. В этом смысле Донн, Оден, Харди и Фрост оказываются для русской поэзии ближе, чем Стивенс — любимый Бродским-читателем, реминисцентно повторенный Бродским-поэтом, но почти неизвестный читателям Бродского.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Очевидно, что эта традиционная для «римских элегий» в европейской лирике тема позже приобретет у Бродского стивенсовские медитативные черты.

² Схождение параллельных в перспективе, где «вещь обретает не ноль, но хронос», становится в дальнейшем одним из самых узнаваемых поэтических топосов Бродского и трактуется Львом Лосевым как «символ протеста против рационалистического представления о полностью умопостигаемом мире», унаследованный Бродским от Достоевского и таких писателей, как Белый, Пастернак, Набоков, Уоллес Стивенс (Лосев, 2006: 300).

³ Безадресность и оттого автокоммуникативность поэтической речи становятся характерной чертой «эпиграфической» лирики Бродского. О смещении жанровых признаков письма и автокоммуникативном характере посланий Бродского «в ситуации “разговора с пустотой”» см. работу С. Ю. Артемовой (Артемова, 2003: 128–139).

⁴ Андрей Ранчин полагает, что эта строфа «напоминает заключительные строки пушкинской «Осени», в которых описывается пробуждение поэтического воображения. Но они также — отражение ходасевичевских: «Я разгоняю мрак и в круге лампы / Сгибаю спину и скриплю пером» (Ранчин, 2001: 350). Заметим, что ключевой для стихотворений Пушкина и Ходасевича образ скрипящего пера у Бродского отсутствует.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Артемова, С. Ю. (2003) О жанре письма в поэзии И. Бродского // Поэтика Иосифа Бродского. Тверь : Тверской гос. ун-т.

Бродский, И. (1992) Сочинения Иосифа Бродского. Т. 1. СПб. : Пушкинский фонд.

Бродский, И. (1994) Сочинения Иосифа Бродского. Т. 3. СПб. : Пушкинский фонд.

Бродский, И. (1999) Сочинения Иосифа Бродского. Т. 5. СПб. : Пушкинский фонд.

Бродский, И. (2000) Большая книга интервью. М. : Захаров.

Венцлова, Т. (2002) «Кенигсбергский текст» русской литературы и кенигсбергские стихи Иосифа Бродского // Как работает стихотворение Бродского. Из исследований славистов на Западе. М. : Новое литературное обозрение.

Лосев, Л. (2006) Иосиф Бродский: Опыт литературной биографии. М. : Молодая гвардия.

Ранчин, А. (2001) «На пиру Мнемозины»: Интертексты Иосифа Бродского. М. : Новое литературное обозрение.

Рейн, Е. (1998) Мой экземпляр «Урании» // Иосиф Бродский: труды и дни. М. : «Независимая Газета».

Bloom, H. (1976) *Figures of Capable Imagination*. N. Y. : The Seabury Press.

Lambert, E. Z. (1976) *Placing Sorrow: A Study of the Pastoral Elegy Tradition from Theocritus to Milton*. Chapel Hill : University of North Carolina Press.

Martz, L. (1966) *The Poem of the Mind. Essays on Poetry English and American*. N. Y. : Oxford University Press.

Ramazani, J. (1994) *Poetry of Mourning: The Modern Elegy from Hardy to Heaney*. Chicago : The University of Chicago Press.

Stevens, W. (1990) *The Collected Poems of Wallace Stevens*. N. Y. : Vintage Books.

Научная жизнь

2–4 июня 2010 г. в МосГУ состоялась Международная научная конференция «Культура глобального информационного общества: противоречия развития». В рамках конференции были проведены круглые столы: «Человек в пространстве глобального информационного общества», «Интернет-культура как пространство самореализации».